

В списках не значился

Дорога мелькала редкими огнями полустанков. После стольких месяцев неизвестности, после такого ранения я ехал к своим однополчанам. Во всех списках стояло «пропал без вести».

«Пропал» я в Белоруссии. Мы страшно тогда гнали фашистов, а они яростно отбивались. И во время одной из бомбардировок меня крупно задело. Ранение позвоночника. Полный паралич. Я долго был без сознания, потом не мог говорить и числился просто под номером, потому что документы все сгорели. А в это время друзья меня разыскивали, но после той страшной ночи никаких следов обнаружить не удалось. Официальный документ, где значилось, что я пропал без вести, послали моей матери.

Тем временем я хоть и медленно, но возвращался к жизни, заново учился говорить, через несколько месяцев, к удивлению врачей, встал на одну ногу. Они, конечно, успокаивали, говорили, что скоро выздоровлю окончательно, но сами до конца в это не верили. Все же осколки остались в позвоночнике и постоянно давали о себе знать. Пройдя полный курс лечения и побывав на долечивании в Сочи, я, одетый в солдатскую робу, должен был отправиться домой — таково было решение медицинского начальства. А мне хотелось разыскать своих, чтобы снова быть вместе, быть полезным. Поиски растянулись, и 1945 год я встретил в пути.

Нашел своих в первых числах января под Бродами, в деревне Колпино. Впервые за всю войну полк стоял на отдыхе, а фактически на доформировании. Радость встречи смешалась с горечью утраты — многих ребят, друзей своих я уже не увидел. Приняли меня как родного.

Первое время ходил на аэродром, проводил занятия с начинающими пилотами. Еще была у нас хорошая самодеятельность. Эскадрилья была поющая, точно как в фильме «В бой идут одни старики» (до сих пор поражаюсь сходности ситуаций, многих моментов, словно снял картину о нас). Ребята все не столько голосистые, сколько музыкальные, хотя один из них, Филипп Пархоменко, пел впоследствии в Большом театре. Дела эти занимали, но очень хотелось в небо.

Однажды попытался слетать. О «самостоятельности» прознало начальство. Приехал командир дивизии: «Ты что партизанишь?». Но предложил слетать вместе. С тех пор мне разрешили летать. Механик специально для меня придумал скрепление в левой педали так, чтобы удобно было больной ногой.

Когда началось последнее наступление с Сандомирского плацдарма, я был назначен командиром первой эскадрильи. Это вызвало смятение в нашем полку. Дело в том, что до меня там были командирами три Афанасьевых, и все погибли...

Победу мы встретили в Бундслау. Среди ночи вдруг услышали страшную канонаду — гремели все крупнокалиберные установки. Вскочили, на бегу пристегивая пистолеты, набивали карманы патронами. Первая мысль — противник прорвал оборону. А оказалось — Победа!

А мы летали еще до 26 мая, добивали группировки врага, которые яростно отбивались. И мы все еще теряли ребят, было так обидно — ведь война уже кончилась.

Леонид АФАНАСЬЕВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

*Соб. кувальца, 1985,
ленв.*